

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ МИФЫ И РЕАЛИИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Предлагаемая статья тесно не связана с тремя предыдущими, опубликованными в этой рубрике в двух предшествующих номерах журнала. Однако в ней под достаточно оригинальным углом зрения исследуются важные аспекты темы, предложенной нами для дискуссии. Это, как нам представляется, дает обсуждению новый поворот и повышает его злободневность (хотя сама статья была первоначально получена редакцией в апреле 1993 года, но сложности связи с автором несколько задержали ее публикацию).

Эта статья — еще одна попытка автора обратиться к разуму общества, прежде всего — к интеллигенции (многолетний ряд предыдущих можно найти в центральных и сибирских изданиях). В России происходит — и ускоряется — разрушение всего исторически накопленного потенциала цивилизации и даже первичных условий существования населения. Начало этому было положено в 60-е годы, когда, провозгласив необходимость массового распространения достижений современного НТП, наше общество (в масштабах СССР в целом) на деле продемонстрировало нежелание осуществлять соответствующие капитальные вложения и тем породило деградацию своей технологической системы. Отказ от использования современных технологий вел и ведет к массовому разрушению природной среды. Этот курс проводился не по инициативе интеллигенции, но при ее участии. Затем — и наиболее ясно с 1989—1990 годов — прямая деградация распространилась на образование, науку, культуру, искусство, здравоохранение, духовную жизнь; последние три года происходит абсолютное сокращение производственного аппарата. Сокращение богатства усиливает рваческие тенденции, ныне вылившиеся в разрушение государства, быстрый рост преступности и национальную вражду, вплоть до вооруженных столкновений. Это происходит уже в условиях, когда интеллигенция взяла на себя бремя власти и тем самым — ответственность за судьбу страны. Провозглашается необходимость разрушения только устаревших общественных форм. На деле же идет разрушение самой жизни общества в ее наиболее глубоких основах.

Главный вопрос, стоящий перед нашим обществом: чего оно хочет? Эта статья обращена не к тем, кто торжествует или просто пирует во время чумы; не к тем, кто своей деятельностью порождает разруху или поддерживает ее, требует «довести до конца» принятый курс; не к тем, кто, боясь разрухи, тем не менее покорно ей подчиняется. Статья обращена к тем (видимо, меньшинству: существует ли оно?), кто готов взять на себя смену губительного курса на противоположный. Смысл стоящей перед нами дилеммы: либо дальнейший регресс, либо прогресс, либо движение вниз в иерархии уровней современ-

Вальтух К. К. — доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. Специалист в области математических методов анализа экономики.

ной цивилизации, либо движение вверх. Может быть, в конце концов все же найдутся социальные силы, способные увести страну с пути деградации?

Для разрушения наука не нужна: оно идет стихийно и уничтожает науку. В высшей степени характерно, что по отношению к экономической науке сейчас распространен обскурантизм типа лысен-ковщины: колоссальное научное знание огульно отрицается и опорочивается со ссылками на «практический опыт» (который просто не понят) и так называемый «здоровый смысл». Но движение вверх требует обращения к фундаментальному знанию экономики.

Много лет наше общество сталкивается с тем, что цели, которые оно формулирует, принимая свои реальные решения, не достигаются. Это может быть либо потому, что цели в принципе недостижимы, либо потому, что к ним не могут привести избираемые обществом пути. В каждой области науки одним из важнейших результатов является осмысление того, что возможно и что невозможно в соответствии с законами объекта. Это относится и к экономической науке. На ее современном уровне ряд результатов можно формулировать как теоремы невозможности. Не во всех случаях это теоремы в строгом значении слова, но соответствующие результаты опираются на логически и количественно структурированное, фактически проверенное формализованное описание экономики — на уровне ее внутренних законов либо устойчивых наблюдаемых-закономерностей. В этом смысле излагаемые ниже утверждения приближаются к понятию о теоремах.

Невозможность социализма на базе современных технологических систем

Известные до настоящего времени технологические системы машинного производства подразумевают высокую квалификационную неоднородность труда: социально значимые, устойчивые различия в квалификации существуют не только внутри рабочей силы в целом, но и внутри верхней трети наиболее квалифицированных работников. Более того, можно говорить о различиях и в рамках 10% лиц высшей квалификации и даже одного процента из них. А ведь в таких странах, как бывший СССР и США, этот единственный верхний процент охватывает более миллиона человек. Осмысление понятия «стоимость» на основе современной теории информации, с использованием известной Шенноновой формулы количества информации, приводит к выводу, что даже если внутри верхнего процента значимые квалификационные различия отсутствуют, работники такой квалификации за одинаковое рабочее время создают стоимость в 6,6 раза большую, чем работники простого труда (т. е. труда, не требующего специальной подготовки). Разрыв же по отношению к работникам устаревших, вытесняемых из экономики квалификационных групп будет еще существеннее.

В таких условиях невозможна реализация научного принципа социализма: оплата по труду. Заработная плата работников простого труда не может быть в 6,6 раза ниже минимального уровня заработной платы верхнего процента работников: это несовместимо с нормальным, социально необходимым уровнем жизни. Если бы в обществе соблюдались такие соотношения в оплате труда, то значительная часть семей деградировала бы и физически, и нравственно. Иными словами, принцип социализма подразумевает гораздо более низкую квалификационную дифференциацию работников, чем это сложилось в реальной жизни (повидимому, необходимое условие заключается в том, чтобы социально значимые квалификационные различия отсутствовали в верхней трети работников).

Статистика показывает, что ныне в США оплата простого труда отстает от оплаты верхнего процента работников примерно в 3,5 раза. Аналогичные соотношения обнаруживаются в Германии (Западной) и СССР в конце 80-х годов. Соответственно складываются пропорции оплаты труда на промежуточных квалификационных уровнях. Специальный расчет доказывает, что при таких соотношениях в США сегодня не менее 2/3 (скорее около 3/4) всех работников (со сравнительно низкой квалификацией) создают прибавочной стоимости меньше, чем они и их семьи получают из общественных фондов в виде затрат на образование, здравоохранение, различные пособия. Таким образом, данные слои являются частичными иждивенцами наиболее квалифицированной части общества. Еще выше был их удельный вес в СССР конца 80-х годов.

Такие свойства распределения, будучи технологически неизбежными, несовместимы с социализмом. Они означают, что общество делится на производителей прибавочного продукта и его потребителей, причем к последней категории относится большая часть членов общества. Но тогда невозможна общественная собственность: объект собственности — воспроизводимое общественное богатство — формируется именно из прибавочного продукта, и общественная собственность подразумевает равномерное участие всех трудоспособных в его создании. Соответственно, невозможно единство

общества в принятии коренных решений о его развитии, т. е. о затратах общественного труда на производственное накопление, науку, образование, искусство и другие долговременные цели. Невозможна сознательная дисциплина прибавочного труда для большей части работников: они его не осуществляют. Дефизит наличного богатства, а не его преумножение, такова закономерная суть их реального поведения. Неизбежно возникает особый слой, на который возлагается принятие решений, — бюрократия. Читатель видит, что эти логические построения хорошо подтверждаются реальной практикой попыток создания социализма в нашей и некоторых других странах.

Фактически в СССР на протяжении примерно 30 последних лет закономерно происходил процесс снижения доли прибавочного труда в общих затратах рабочей силы. Сокращалась доля прибавочного продукта в национальном доходе (все возрастающая его часть шла на поддержание текущего потребления общества). К тому же сам прибавочный продукт во все большей степени формировался не за счет трудового вклада, а за счет использования природных богатств. В 1990—1992 годах часть прибавочного продукта воплощала уже не что иное, как невозмещенную стоимость выбывших в эти годы элементов производственного аппарата. По данным за 1990 год, в величине прибавочного продукта, оцениваемой в 160—170 млрд руб., стоимость, созданная живым трудом, составляла не более 40—45 млрд, тогда как стоимость, полученная от природных ресурсов, определялась не менее чем в 65 млрд руб. (без учета ренты от добычи минерального сырья), а невозмещенная стоимость выбывшего производственного аппарата — не менее чем в 55—60 млрд рублей. Доля прибавочного труда во всем труде общества составляла не более 7 процентов.

Снижение доли прибавочного труда и есть непосредственная причина деградации общества. Смена курса общества на противоположный — по коренному содержанию — должна заключаться в повышении нормы прибавочного труда. Расчеты показывают, что для преодоления последствий предшествующих негативных процессов и вхождения в нормальный режим развития долю прибавочного труда следует довести примерно до 40% (или даже несколько более) от всех затрат общественного труда. Это подразумевает существенное расширение той части работников, которые производят прибавочный продукт.

Теория логически безупречно формулирует, а факты подтверждают, что капитализм представляет собой форму общества, закономерно реализующую необходимый общий уровень прибавочного труда на основе известных до сих пор машинных технологий, при достойной оплате труда той наиболее квалифицированной части рабочей силы, которая, собственно, и создает ресурсы общественного прогресса. Именно в этом — корни тех глубоких социально-экономических преобразований (перехода к капитализму), попытки осуществить которые предпринимаются сейчас в России и ряде других стран, ранее провозглашавших стремление к социализму.

Вывод. Не только многолетний опыт попыток создать целостный социализм, но и теоретическое осмысление этого опыта, понимание причины неудач показывают, что любые программы любых социальных групп и партий, исходящие из стремления построить социализм, являются невыполнимыми (по крайней мере при известных до сих пор требованиях машинных технологических систем к квалификационной структуре рабочей силы). Остается открытым вопрос о том, возможно ли возникновение адекватных социализму технологических систем (не исключено, что это невозможно из-за генетической дифференциации способностей людей, к которой в таком случае лишь приспособляются технологические системы).

Это — весьма неприятный вывод. Капитализму, даже на высших его стадиях, присущи социальные антагонизмы, вытекающие именно из свойственного ему экономического принуждения к прибавочному труду. Миллионы людей ощущают себя угнетенными. Выдающиеся умы, гуманисты многих поколений искали пути построения справедливого — социалистического — общества. Марксизм провозгласил превращение социализма из утопии в науку, увидев в крупном машинном производстве материальную базу, адекватную социализму. В конце XX века приходится признать: известные до сих пор машинные технологические системы на деле социализму не отвечают.

Нет сомнений, что сказанное будет неприятно встречено всеми, для кого гуманистическая социалистическая традиция — содержание идейной жизни. Глубокие противоречия капитализма, давно теоретически понятые, предстают сейчас перед нашим обществом на практике во всей отталкивающей неприглядности так называемого «первоначального накопления капитала»: массовое обнищание, экспроприация государственного имущества и накоплений миллионов людей, разграбление природных богатств, нечистоплотная нажива, нарастающая безработица и т. п. Но, к сожалению, партии и движения, провозглашающие приверженность социализму, обходят коренной вопрос: почему его не удалось создать за 70 лет Советской власти? Они предпочитают облепченные ответы, сводящиеся к

критике (задним числом) отдельных лиц — лидеров коммунистической партии. Дело не просто в научной недостаточности таких ответов. Дело в том, что они мешают осознать суть: необходимость наращивания прибавочного труда. Характерно, что в программах указанных движений нет ни слова о требованиях к обществу, предъявляемых технологическим прогрессом.

Все же, по-видимому, они должны признать: сначала надо реально создать такую технологическую систему, которая позволяет осуществить принцип социализма, и лишь затем в практическом плане ставить вопрос о создании социалистического общества. Практически этого вывода достаточно.

Невозможность современного развитого капитализма на базе сложившейся в нашей стране технологической системы

Наш производственный аппарат технологически, технически и социально устарел. (Это касается всех государств социалистического содружества, и России в частности.) На его основе невозможен не только социализм, но и современный капитализм по типу, сложившемуся в Западной Европе, Северной Америке, Японии и в некоторых других странах.

Масштабы инвестиционной деятельности в СССР абсолютно снижались с начала 70-х годов, тогда как во всех развитых странах они росли. За последние 30 лет в целом уровень инвестиций на душу населения у нас был в четыре-пять раз ниже (а в 1991—1992 годах уже в 8—10 раз ниже), чем в США, Японии, ФРГ. В результате мы можем констатировать недостаточность имеющегося национального богатства. Статистика оценивала накопленные на 1 января 1991 года основные фонды СССР, включая жилье, в 3 трлн рублей. Население СССР в это время насчитывало 290 млн человек. В США соответствующие величины составляли примерно 20 трлн долларов и 251 млн человек. В 1990 году по уровню производительности труда, как и по жизненному уровню, наши показатели были меньше соответствующих показателей наиболее развитых капиталистических стран в 4—5 раз (а в 1992 году уже не менее чем в 6—7 раз). В десятки и сотни раз отстает у нас развитие тех сфер, которые технологически формируют современное информационное общество. Намного хуже, чем в развитых странах, отечественная экологическая ситуация.

Вывод. Невыполнимы любые программы и декларации о «переходе к рынку» (под которым явно подразумевается переход к современному хозяйству развитых капиталистических стран), игнорирующие или по меньшей мере не рассматривающие специально необходимость полного преобразования наличной технологической системы для создания материальной базы такого общества, j Конечно, понятие «переход к рынку» означает переход к капитализму: ведь капитализмом называется высшая форма товарного производства. Но сама эта форма развивается по мере развития собственной технологической системы, и на нынешней постсоветской материальной базе цивилизованный, приспособившийся к выполнению ряда гуманистических требований, к существенному общественному контролю капитализм невозможен. Собственно, первые шаги нашего «перехода к рынку» это и подтверждают.

Ничем иным, как иллюзией, были все заявления, связывавшие современные реформы с непосредственным повышением благосостояния населения. История дела такова. Еще в середине 80-х годов реконструкцию экономики можно было начать при одновременном повышении производства потребительских благ (хотя и низкими темпами). Эта возможность была упущена нашим обществом, уже тогда шедшим по пути близорукой и разрушительной анархии. К 1988—1989 годам возможности наращивания производства потребительских благ оказались практически исчерпанными, и для придания нового импульса уже требовалось предварительно провести — хотя бы отчасти — технологическую реконструкцию экономики. Но резкое абсолютное снижение благосостояния еще не было неизбежно. И данная возможность была упущена по вышеназванной причине. Более того, именно в этой обстановке произошел взрыв группового эгоизма — стремление перераспределить в свою пользу наличное богатство, коль скоро оно не растет. Наивысшим «достижением» группового эгоизма стал распад великой державы — СССР. В результате произошел разрыв хозяйственных связей, сделавший неизбежной общую катастрофу производства и потребления.

Современные альтернативы заключаются лишь в разных формах ответа на один вопрос: что будет делать общество в условиях, когда его потребление неизбежно (и сильно!) сокращается. Будет ли оно продолжать прежнюю линию поведения, уже приведшую к практическому исчезновению прибавочного труда. Или будет использовать имеющийся в его распоряжении избыточный ресурс труда для того, чтобы постепенно увеличивать масштабы прибавочного труда: наращивать производственные

капитальные вложения, увеличивать ресурсы развития науки и образования, осуществлять природоохранные мероприятия и т. п. Первая из этих альтернатив закономерно ведёт к дальнейшему падению жизненного уровня. Вторая перспектива способна создать его стабилизации, а затем и повышения.

1992 год показал: наше общество не желает сменить поведение. Борьба за дележ богатства лишь усилилась. Это вылилось в сокращение реальных капиталовложений не менее, чем вдвое, в неоправданный рост оплаты труда одних за счет обнищания других (во многих случаях более квалифицированных), в разграбление имущества предприятий и т. п. Эта борьба уже породила процессы распада самой России, и она не прекращается. Выбран поистине худший из возможных путей.

Нынешний уровень производительности труда (и производства продукции на душу населения) в России соответствует тому, какой был в США в середине 20-х—середине 30-х годов. Всякий, кто хочет сегодня перейти к капитализму, должен знать: ничего лучшего, чем положение дел в США того периода (с острейшими социальными конфликтами, трагедиями миллионов людей), на имеющейся у нас материальной базе достигнуть нельзя. Наша ситуация может быть лишь хуже: надо принять во внимание экологические проблемы и то обстоятельство, что страна делает лишь первые шаги на пути к капитализму.

Поэтому я полагаю, что любая реалистическая программа преобразований может быть социально эффективной лишь при условии, что она исходит из следующей логики: сначала смена технологической системы и лишь в меру этого—преобразование общественных отношений. Обратный порядок может, конечно, привести к капитализму, но совсем не к тому, достижения которого используются в качестве аргумента для обоснования целесообразности самого движения в таком направлении. На деле это не преодоление разрушительных тенденций, а их усугубление, движение не вверх, а вниз в иерархии уровней современной цивилизации, не позитивные реформы, а антиреформы.

Невозможность быстрой технологической реконструкции

Смены технологических систем — вообще дело весьма длительное. В любой из промышленно развитых стран при современном режиме экономического развития на это требуется не менее 15 лет. В нашей стране ситуация усугубляется неготовностью инвестиционного комплекса не только к технологическому обновлению, но даже к простому поддержанию производства.

Сейчас еще очень трудно количественно оценить последствия разрыва хозяйственных связей между государствами, возникшими на месте СССР. В предварительном порядке можно сказать: только для того, чтобы либо в автаркическом режиме, либо переориентированием хозяйственных связей на другие страны заместить потерянные из-за разрыва ресурсы, этим государствам потребуется вложить не меньше, чем их объем за пятилетие 1986—1990 годов. Но ведь нужно поддерживать имеющийся производственный аппарат. В таких условиях говорить о массовой реконструкции не приходится. Ее еще нужно структурно подготовить.

Валовой национальной продукт (ВНП) СССР в 1990 году составлял не более 1,2 трлн долларов США 1982 года. В США такой объем ВНП был достигнут в 1949-1950 годах. Затем в 1951—1955 годах объем вложений в американскую экономику (включая жилищное строительство) составил 1,3 трлн долларов 1982 года. Из данных таблицы 1 виден режим, в котором систематически развиваются США: каждые 5 лет они осуществляют капитальные вложения (КВ) в размерах, несколько превышающих объем ВНП последнего предшествующего года (во всяком случае не ниже этой величины). Интересно сравнить эти данные с японскими: там каждое пятилетие делается вложения на уровне 1,7—2 таких объема (см. табл. 1). В Западной Германии ситуация промежуточная между США и Японией: каждое пятилетие вкладывается 1,1—1,5 указанных объемов.

Результатом длительного спада инвестиций в СССР является то, что технологически и технически совершенно устарел инвестиционный комплекс. В масштабах СНГ сейчас невозможно реализовать не только японский или западногерманский режим, но даже и режим США: в 1991—1995 годах нельзя было осуществить вложения на уровне США 1951—1955 годов! (вряд ли можно было осуществить их хотя бы в масштабе 0,8 трлн долларов 1982 года). Да наше общество и не готовит свой инвестиционный комплекс к вхождению в нормальный режим экономического роста.

Не смогут сыграть сколько-нибудь значительную роль иностранные инвестиции они не составят более 5—10 млрд долларов в год. К тому же иностранный капитал будет стремиться, главным образом, в отрасли, поставляющие западным странам нужное им сырье. Наивно ожидать от него усилий по решению социальных проблем России. Иллюзиями являются также упования на быстрый эффект конверсии: она сама требует многолетних крупных вложений и представляет составную часть общей проблемы технологической реконструкции.

Долговременный режим экономического развития США и Японии

Годы	США (млрд 1982 г.) дол.		Япония (трлн йен 1980 г.)	
	ВНП	КВ	ВНП	КВ
1950	1204	-	-	-
1951—1955	—	1304	—	-
1955	1495	-	-	-
1956—1960	-	1494	-	-
1960	1665	-	56	-
1961—1965	-	1813	-	99
1965	2088	-	88	-
1966—1970	-	2277	-	198
1970	2416	-	153	-
1971—1975	-	2514	-	312
1975	2695	-	189	-
1976—1980	-	2838	-	354
1980	3187	-	240	-
1981—1985	-	2992	-	406
1985	3619	-	292(317)*	-
1986—1990	-	3660	-	443**
1990	4157	-	405*	-

* трлн йен 1985 года.

** только частные (в трлн йен 1985 года).

Вывод. Сначала необходима мобилизация всех (очень ограниченных!) ресурсов — не допуская дальнейшего подрыва действующего производства — на технологическое обновление и расширение производственной мощности инвестиционного комплекса, на создание в нем необходимых новых отраслей и производств. Затем можно говорить о начале общей технологической реконструкции и лишь потом — о создании минимально необходимых предпосылок для любых сколько-нибудь значимых социально-экономических реформ, для подхода к решению давно назревших — и очень острых — социальных проблем.

Иного пути к прогрессу нет. Этот вывод совершенно не зависит от того, какая социальная группа, партия или движение управляет страной.

Невозможность быстрой эффективной приватизации

Не только уровень благосостояния, достигнутый в развитых капиталистических странах, но и современные формы их общественной жизни, включая собственность, невозможны на базе имеющегося у нас производственного аппарата.

Существует много абстрактных аргументов в пользу быстрого осуществления массовой приватизации. Без частной собственности не может быть сколько-нибудь развитого товарного производства. Именно капитал добивается необходимого уровня прибавочного труда. Он содержит избыточную рабочую силу и в современных развитых странах создает эффективные рабочие места в количестве, достаточном, чтобы не иметь очень большой безработицы. Капитал не допускает недоопла-ту квалифицированного труда и с довольно высокой скоростью осуществляет смену технологий для реализации достижений НТП, соответственно изменяя структуру народного хозяйства. Всего этого, как

показала практика, не смогла осуществить государственная собственность в СССР и в странах Восточной Европы за последние 30 лет.

Но, по-моему, быстрая эффективная приватизация основной части нашей нынешней экономики невозможна (хотя есть возможность передать в частные руки некоторые сферы с мелкими предприятиями и медленно проводить частичную приватизацию в отраслях, где господствуют крупные предприятия). Невозможность коренится в тех самых обстоятельствах, которые делают приватизацию необходимой. Сказанное — отнюдь не чисто логическое противоречие. Это реальное противоречие, разрешение которого требует многих лет.

Во-первых, к настоящему времени не сложилась специфическая социальная группа (меньшинство!), которая была бы способна эффективно управлять экономикой на началах частной собственности и была бы приемлема в таком качестве для большинства населения. Частный собственник еще должен быть взращен, что требует много времени. Неэффективна так называемая «народная приватизация». Как простой дележ собственности она продолжает и усугубляет прежние негативные тенденции («зар-платизация» богатства и дохода). Наше общество, не желающее считаться с теорией, уже убеждается в этом на практике: получив ваучеры, большинство населения так или иначе демонстрирует свое неумение, да и нежелание использовать их, чтобы выполнять функции собственника. То же самое вскрывает и массовое акционирование. Немногим лучше массовая приватизация в пользу нынешних управляющих предприятиями или в пользу богатых: вероятность эффективного выполнения специфических функций собственника (принятие долгосрочных решений и их проведение в жизнь) и в этих случаях низка (а социальные издержки передачи собственности лицам, нажившим богатство противоправными способами, уже со всей силой дают себя знать!). Все происходящее в высшей степени характерно для нашего общества, много лет занимавшегося дележом: теперь оно приняло ваучеры и акции, чем реально создало способ отмыва денег, нажитых бесчестным путем.

Во-вторых, нынешняя неспособность инвестиционного комплекса произвести материальные ресурсы для накопления несовместима с функцией капитала: накапливать прибыль. Длительный процесс подготовки этого комплекса к требованиям современного капитализма предстоит осуществлять нашему нынешнему обществу, притом главным образом в форме наращивания государственных вложений.

В-третьих, при сильной физической изношенности и глубокой диспропорциональности наличной технологической системы нельзя ожидать, что рынки для подавляющего большинства видов продукции будут рынками покупателей. На этих рынках крайне сомнительна конкуренция продавцов, напротив, неизбежна острая конкуренция покупателей. Она продолжается даже в условиях, когда из-за спада производства практически во всех отраслях появляются избыточные производственные мощности. В таких условиях не работает конкурентный механизм, вынуждающий капитал выполнять его нормальную функцию: технологически обновлять производство.

Отечественный капитал, обосновавшись в сфере обращения, не торопится овладеть производством. Не хочет брать на себя бремя неэффективных производств и иностранный капитал. Государству придется самому преобразовывать неэффективную технологическую систему и лишь затем в массовом масштабе приватизировать.

В-четвертых, крупнейшим социальным препятствием для массовой приватизации является колоссальная скрытая безработица. Избыточная занятость на действующем производстве оценивается для бывшего СССР в целом в 30—40 млн человек. Приватизация кажется необходимой для преодоления этого порока экономики. Но именно из-за него она и невозможна: капитал не будет держать избыточную рабочую силу, а общество не выдержит социальных конфликтов, порождаемых массовой безработицей, особенно среди молодежи.

Нельзя опустить два вывода из этого анализа, относящихся к реформе, провозглашенной в конце 1991 года,— заранее хорошо известных теоретически и получивших, к несчастью, подтверждение на горьком опыте.

Для советской экономики была разрушительна либерализация цен: при конкуренции покупателей она неизбежно ведет к гиперинфляции. Возникает ценовой хаос, лишаящий агентов экономики всяких ориентиров как в производстве, так и на рынке. И уж во всяком случае либерализация цен в такой обстановке не может привести к сбалансированности бюджета. Для уровня проработки реформы характерно, что ее авторы уже через пару месяцев не вспоминали о достижении этой последней цели, хотя начали с того, что ставили ее в качестве чуть ли не важнейшей. Более целесообразным представлялось бы создание сначала технологической системы, гарантирующей рынок покупателя, затем приватизация и на этой основе либерализация цен.

Особенно опасными представляются эксперименты с приватизацией и либерализацией цен пс

отношению к сельскому хозяйству. Для массового распространения такого фермерства, какое сложилось в развитых капиталистических странах, нет прежде всего техники. Еще предстоит создать или реконструировать целые отрасли для ее производства. Частное хозяйство без техники — это либо парцелла, не способная дать необходимую товарную продукцию, либо крупное хозяйство, но помещичьего или кулацкого типа, подразумевающее массовый наем батраков, что вряд ли окажется социально приемлемым. При этом не менее половины нынешнего сельскохозяйственного населения страны оказалось бы избыточным, а полученный им земельный надел плохо используемым.

Безусловно, общественный прогресс даже в самых развитых странах все еще требует абсолютного и относительного сокращения сельскохозяйственного населения. Единственный способ, которым в нашей стране можно этого достигнуть, — постепенное приведение относительного уровня доходов работников сельского хозяйства в соответствие с уровнем их квалификации (к концу 80-х годов их личные доходы были уже резко завышены). Поскольку совхозы и колхозы — формы производства, препятствующие этому, они стратегически не эффективны. Тем не менее, по-моему, нельзя торопиться с разрушением этих форм хозяйства. История доказывает, что колхозы и совхозы являются весьма и весьма устойчивыми формами, хорошо отвечающими групповым интересам сельскохозяйственного населения. Их преодоление потребует в качестве предварительного условия создания новой технологической системы в масштабах не только сельского хозяйства, а и экономики в целом. Форсировать их преодоление — значит подрывать даже то не очень эффективное производство продуктов питания, которое до 1992 года мы все же имели. Но именно в расчете на такое форсирование были отпущены цены на средства сельскохозяйственного производства и предметы потребления, приобретаемые работниками сельского хозяйства. Закономерным следствием стал всем известный взрыв противоречий.

По моему мнению, в течение 1992 года на деле у нас осуществлялись антиреформы: резко снижалась стартовая точка необходимых реформ, обострялась вся система социальных напряжений, для снятия которых потребовались реформы. Это относится и к развитию всех сфер, определяющих будущее общества, и к распределению доходов, и к жизненному уровню большинства населения, особенно в городах, и к системе управления экономикой. Но мало признать это. Надо, наконец, разработать и проводить эффективные реформы, понимая, что любые попытки провести преобразования быстро приведут лишь к новым провалам.

Мобилизационная стратегическая альтернатива

Выяснение того, чего нельзя достигнуть в условиях современной экономики нашей страны, представляется весьма важным. В результате такого анализа резко сужается область, внутри которой ведется поиск решений, а значит, общество не станет, усугубляя свои проблемы, терять время на шаги, ложность которых обнаруживается потом. Предшествующий анализ показывает, что реальный спектр социально эффективных решений был очень узок уже к началу 1992 года. Сейчас же осуществление действительно эффективных преобразований стало либо абсолютно невозможным, либо, по крайней мере, еще менее вероятным.

Встать на путь прогресса — значит быстро наращивать ресурсы для развития производства, науки, образования, здравоохранения, культуры, охраны окружающей среды. Можно показать, что не только в отношении инвестиций, но и в других областях наше отставание (в расчете на душу населения) от ведущих капиталистических стран составляет сейчас примерно 8—10 или более раз. Даже если наше общество будет наращивать эти ресурсы тем же темпом, что и ведущие страны, такое отставание сохранится, а значит, сохранится устойчивое отставание в сфере жизненного уровня. Причем, если мы будем продолжать сокращать ресурсы на перечисленные приоритетные цели, неизбежно усиление отставания и в научном, и в технологическом уровнях, и в уровне жизни. К этому ли стремится наше общество?

Если нет, то оно должно сменить свое поведение на противоположное не просто в отношении ресурсов для указанных целей. Смена поведения в этой области подразумевает смену стратегии реформ: вместо разрушения административной системы — формирование эффективной администрации, способной в централизованном государственном порядке осуществить необходимые технологические преобразования и в меру их — эффективную приватизацию основной части экономики. Неизбежная длительность этих процессов требует устойчивой администрации, без чего реализация стратегических решений невозможна.

Весьма поучителен в этом плане опыт ведущих капиталистических стран — современных США, Японии, ФРГ, Франции, Великобритании. В течение тех 10—12 лет, когда капитализм одержал реша-

ющую победу экономическом соревновании с СССР и странами Восточной Европы, у власти находились одни и те же партии (в Японии — более 35 лет).

Для нашей страны необходимость устойчивой эффективной администрации гораздо сильнее, чем для любой из упомянутых стран: в них основная часть экономики (в США — почти вся) управляется решениями класса частных собственников, которого у нас нет. Многим отечественным реформаторам кажется, что выход из создавшегося положения состоит в быстром создании такого класса. Но его реальное созидание — длительный исторический процесс. Той — основной — частью экономики, которую невозможно быстро и эффективно приватизировать, необходимо управлять. Функцию собственника по отношению к этой части не может выполнить никакая социальная сила, кроме государства. Альтернативой является невыполнение этой функции никем, а значит, разрушение и разграбление объекта собственности, гибель общества.

Приложить используемое в экономико-математической литературе понятие «теорем невозможности» (несуществования) к изложенным выше результатам предложил один из известных западногерманских экономистов профессор Г. Шведиауэр. В его же формулировке суть предлагаемого здесь выхода выражается термином *<benevolent despotism>* — деспотия, но просвещенная, благожелательная. В пределах компетенции экономиста можно следующим образом раскрыть смысл понятия о необходимой для нас сильной государственной власти.

Сила компетентности, знания: лица, образующие систему принятия экономических решений, особенно стратегических, должны лично обладать хорошим знанием современной экономической науки, результатов объективного анализа современного положения вещей в экономике страны. Нельзя просто полагаться на советников: их надо прежде всего со знанием дела подбирать. В любом случае ответственность за решения лежит на тех, кто их принимает, и это должны быть грамотные решения.

Сила духа: приходится противостоять массовому давлению некомпетентных людей, обладающих лишь «здравым смыслом» (находящихся на уровне обыденного сознания), кратковременные интересы которых неизбежно противостоят правильной стратегии. Но история показывает, что эти самые люди, добившись своего, затем выражают недовольство закономерными результатами действий, которые они сами вынудили, и, напротив, оказывают поддержку руководителям, когда убеждаются в стратегическом успехе. Вот почему необходима именно деспотия, но благожелательная.

Сила общественного контроля: общественность выдвигает и поддерживает такую администрацию, члены которой не проявили себя в прошлом как люди некомпетентные или готовые менять свои взгляды и намерения под воздействием конъюнктуры. Простые критерии для отбора такой администрации дает знание того, что невозможно осуществить, и сопоставление этого знания с заявлениями претендентов на крупные государственные посты. Далее вступает в силу контроль соответствия реальных фактов принятой программе.

Авторитет реальных достижений: сейчас такими достижениями, на мой взгляд, были бы прежде всего налаживание хозяйственных связей, возобновление производства на остановленных предприятиях, мобилизация имеющихся в стране ресурсов продовольствия для улучшения питания тех, кто не занят сельским хозяйством, первые шаги в области реконструкции производства.

Я неоднократно формулировал тезис о необходимости у нас сильного централизованного начала. Раньше это доказывалось при поиске путей преодоления негативных тенденций в развитии советской экономики, а затем — в борьбе с кризисом, теперь — с развертывающейся катастрофой. И во многих аудиториях получал ответ: «Но это невозможно!». По-видимому, такой взгляд распространен не только среди далеких от науки людей, но и в среде политологов. Могут ли они, со своей стороны, доказать научные теоремы невозможности? Если нет, то в современных условиях, по-моему, стоило бы воздержаться от таких утверждений. Ибо нет иного выхода из процессов разрушения, кроме долговременной мобилизации государством усилий общества на достижение стратегического успеха. Во всяком случае экономическая наука обладает знанием, достаточным для выработки мобилизационной альтернативы без принципиальных ошибок.

© К. Вальтух, 1994